

Экономики стран Балтии после обретения независимости

П.Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук

E-mail: teslia.pavel@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5128-2564

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. Быстрое вхождение стран Балтии в ЕС и переход на евро произвели неоднозначное воздействие на их экономику. Финансовый кризис 2008 г. был перенесен Эстонией, Латвией и Литвой гораздо болезненнее, чем другими членами ЕС. Их высокие темпы роста ВВП и душевых доходов не имели достаточно твердого основания: инвестиционная активность финансировалась не внутренними источниками, а притоком иностранного капитала, направляемого преимущественно в финансовый и торговый секторы. Реальные инвестиции были недостаточными, и Балтия по-прежнему не обладает надежным потенциалом полномасштабного присутствия на высокотехнологичных рынках. Степень успешности в модернизации экономики была наилучшей у Эстонии, за ней следовала Латвия, а Литва оказалась замыкающей. Социальная политика стран Балтии также не свидетельствует о серьезной заботе прибалтийских правительств о своих гражданах и негражданах. Безработица, бедность, слабая социальная защищенность и другие беды остаются большой проблемой – почти самой тяжелой из всех стран ЕС. Неудивительно, что из Латвии и Литвы быстро и неотвратно эмигрирует народ. В Эстонии это, к счастью, не так, что является надежным свидетельством сравнительно неплохих успехов этой страны.

Ключевые слова: «Балтийские тигры»; страны Балтии; экономическая интеграция; экономическая специализация; социальная политика; Европейский союз; евროзона; бывшие советские республики

Из всех бывших советских республик только страны Балтии стали членами ЕС и перешли на евро. В статье рассматриваются произошедшие в результате тесной интеграции с Евросоюзом экономические изменения.

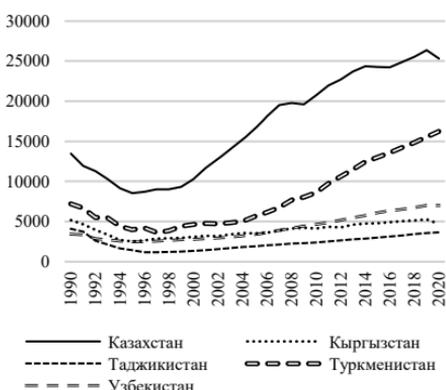
Некоторые важные темы (политические аспекты взаимоотношений между странами бывшего СССР, а также непростые вопросы межнациональных и межкультурных отношений), существенные для понимания того, что происходит в экономиках Эстонии, Латвии и Литвы, мы сознательно оставим в стороне. Обратиться к ним можно будет после того, как спадет острота возникших в последнее время международных конфликтов, когда будет более понятен расклад геополитических сил и станет ясна новая политико-экономическая панорама международных отношений.

Экономические успехи стран Балтии на фоне остальных постсоветских республик

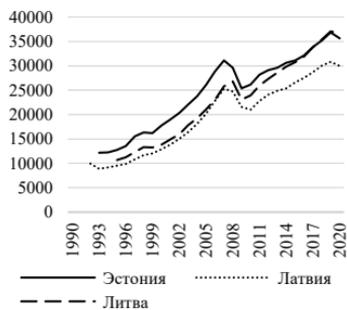
После распада СССР развитие различных групп бывших советских республик происходило по очень разным траекториям. Если рассматривать душевой ВВП как сводную характеристику степени успешности их хозяйствования, то схематически экономическую историю бывшего СССР можно представить на рисунке 1 (а, б, в, г).

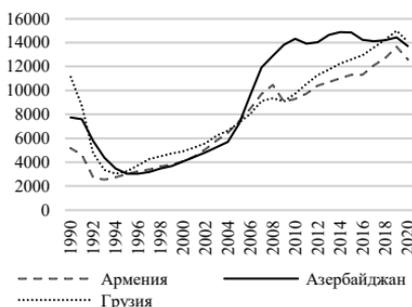
а) славянские республики и Молдова

б) республики Центральной Азии

в) республики Прибалтики

г) республики Кавказа

Источник. Построено автором по данным Всемирного банка и МВФ. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April/download-entire-database>.

Рис. 1. Динамика душевого ВВП бывших советских республик по ППС в 1990–2020 гг. (цены 2017 г.), долл.

Наибольшего успеха добились прибалтийские республики. Их развитие происходило с высокими и достаточно устойчивыми темпами. Шок перехода к рыночной экономике в начале 1990-х гг. оказался, конечно, болезненным (к сожалению, в доступных источниках нет сопоставимых данных за первую половину 1990-х гг., поэтому соответствующий период на рисунке не представлен), еще более чувствительный удар был нанесен мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг., однако прибалтийские экономики достаточно быстро восстанавливались и продолжили рост; Эстония и Литва чуть замедлились, а Латвия росла с тем же темпом, что и до кризиса. За постсоветское тридцатилетие душевой ВВП в Прибалтике был почти утроен. Россию, которая до распада СССР была лидером по душевому ВВП среди советских республик, Прибалтийские страны уверенно опередили, как, впрочем, и всех остальных. В целом, эта тройка во многих отношениях развивалась сходным образом, большого разрыва внутри нее не получилось. Отметим, что в советские годы Эстония, Латвия и Литва получали от союзного правительства достаточно солидные финансовые и нефинансовые трансферты, а теперь получают их уже от Европейского союза.

За постсоветский период не появилось заметного разрыва и между кавказскими республиками. Одно время Азербайджан устремился в отрыв на волне высоких нефтяных цен, однако мировой финансовый кризис резко приостановил взлет его экономики, и спустя 30 лет после распада СССР республики кавказской тройки так же, как и прибалтийской, оказались примерно на едином уровне душевого ВВП.

В двух остальных группах республик однородности не наблюдалось. В славянской тройке в составе России, Беларуси и Украины после 2008 г. произошел раскол, – украинская экономика получила два очень болезненных удара. Во-первых, это был сам мировой финансовый кризис, во-вторых, – шок от вступления Украины в ассоциацию с Европейским союзом, приведшего к разрыву хозяйственных связей с Россией, что было усугублено затяжным региональным военным конфликтом. В результате евростремительного откола Украины от России и Беларуси (между двумя последними есть разрыв в уровне экономической активности, но он не нарастал, хотя и не сокращался) украинская экономика, деградируя, сравнивалась по эффективности

с молдавской (которая довольно устойчиво росла, хотя и медленными темпами), оказавшись при этом самой слабой в Европе.

Центральноазиатская группа бывших советских республик, как говорит международная статистика, демонстрировала устойчивое различие между лидерами (Казахстан и Туркменистан) и отстающими (Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан). Про лидеров можно кратко отметить, что их во многом сходный по темпам экономический рост совершенно по-разному сказался на народном благосостоянии и структурах их экономик.

Таким образом, страны Балтии показывали сравнительно успешное развитие, заметно опережая остальные постсоветские республики. Но насколько это лидерство устойчиво и стабильна его база? Этот вопрос требует детального рассмотрения.

Насколько были успешны рыночные реформы в странах бывшего Советского Союза?

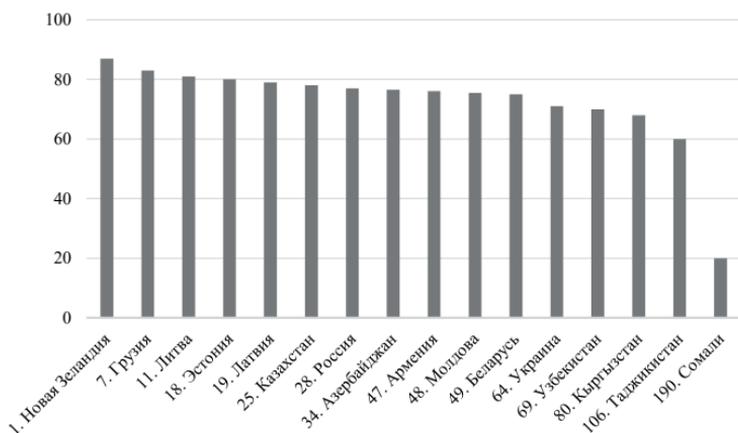
Экономического успеха достигают страны, в которых действует эффективный хозяйственный механизм. В советские годы, особенно в поздний период, институты развития были далеки от совершенства, поэтому во всех постсоветских республиках в 1990-х гг. проводились реформы. Для укрупненной оценки их успешности часто обращаются к статистике группы Всемирного банка, выпускавшей периодический обзор Doing Business. Воспользуемся данными из последнего издания этого источника¹ и пяти предшествующих. При всех недостатках Doing Business² эта статистика позволяет получить однородную, основанную на единой методологии непротиворечивую картину развития рыночных механизмов в большинстве стран мира³.

¹ Doing Business. Comparing Business Regulation in 190 Economies. World Bank Group. 2020. (URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32436>)

² В частности, на его сайте можно найти сообщение о том, что его дальнейшее издание будет приостановлено из-за ряда обнаруженных серьезных ошибок в отражении информации о состоянии дел в нескольких странах. Более серьезной проблемой является методологическая ограниченность ультралиберальных установок аналитиков Doing Business. По сути, главнейшим условием успехов экономических преобразований они считают прогресс приватизации. Любое усовершенствование в деятельности государственных институтов игнорируется. «Чем меньше государства – тем лучше» – кредо Doing Business.

³ К сожалению, неполнота представительности стран в обзоре Doing Business привела к тому, что мы не увидим, что происходит в Туркменистане – в стране проводится политика информационной закрытости.

Doing Business нацелен на оценку легкости предпринимательства, он измеряет 12 параметров экономической свободы⁴, собирает и публикует данные о регулировании занятости и о заключении контрактов с правительством. По каждому из этих параметров производится экспертное оценивание в терминах близости к полной свободе предпринимательства (100 баллов) или несвободы (ноль) и путем агрегирования (взвешенного усреднения) определяются сводные страновые статистики. На рисунке 2 приведен график балльной оценки сводных показателей степени свободы ведения бизнеса в бывших советских республиках (кроме Туркменистана) и указаны их места в рейтинге из 190 стран⁵.

Источник. Построено по данным Doing Business.

Рис. 2. Оценки легкости ведения бизнеса в бывших республиках СССР (кроме Туркменистана)

⁴ Процессы регистрации бизнеса, найма и увольнения работников, получения разрешения на строительство, подключения к электросетям, передачи собственности, получения доступа к кредитам, защиты миноритарных инвесторов, уплаты налогов, участия в международной торговле, обеспечения исполнения контрактов и урегулирования неплатежеспособности.

⁵ Для периода до 2012 г., после которого стали составлять хронологически сопоставимую статистику, балльных оценок не показывали, известны только места стран в мировом рейтинге. На рисунке 2 для понимания масштабов разброса рассматриваемых показателей в мировом масштабе приведены также индикаторы для двух стран, Новой Зеландии и Сомали, соответственно, первой и последней по степени развитости рыночных институтов.

Примечательно, что попавшая на чуть более высокую, чем у России, позицию в мировом рейтинге свободы ведения бизнеса, экономика Казахстана прогрессировала почти с такой же скоростью, что и российская. На самом низком уровне оказалась легкость предпринимательства в Таджикистане (хотя за последний год эта республика и совершила довольно сильный рывок), а большинство постсоветских республик занимают промежуточные места (Туркменистан выпал из обзора из-за своей информационной закрытости).

Из бывших советских республик лидирующую позицию, по оценкам Doing Business, заняли Грузия и Прибалтика. Примечательно, что Грузия, отстающая от прибалтийских республик вдвое по ВВП на душу населения, опередила их по степени развитости экономических свобод. В целом, реформирование в странах Центральной Азии происходит достаточно интенсивно; так, если бы замыкающий список Таджикистан развивался бы теми же темпами, что и ранее, то за следующее десятилетие он мог бы по показателям степени экономических свобод сравняться с мировым лидером, Новой Зеландией, при условии, что последняя остановилась бы в своем развитии⁶.

Что произошло после обретения странами Балтии независимости

Задолго до распада СССР первой из 15 республик, открыто заявившей о своих претензиях на самостоятельность, стала Эстония (16 ноября 1988 г.). За ней последовали Литва и Латвия, соответственно, 26 мая и 28 июля 1989 г. Если Эстония сначала пошла по пути преобразования политических институтов, то Латвия и Литва на первый план выдвинули экономическую и языковую независимость [Воротников, 2016]. Союзный центр не смог справиться с нарастающим системным кризисом и предложить национальным республикам эффективную модель реформирования общесоюзной институциональной структуры.

⁶ Это замечание приводит к интуитивному соображению относительно интерпретации оценок Doing Business и их качества: нельзя полагаться только на сводные страновые показатели легкости ведения бизнеса, следует учитывать состояние частных индексов по отдельным аспектам предпринимательства. Однако это не отменяет ценность сводной статистики Doing Business.

После обретения независимости прибалтам удалось избежать серьезного насилия в общинах. Насколько известно, в конце 1980-х гг., когда они освободились от советской власти, погибло менее двадцати человек (все литовцы) и ни одного советского военнослужащего или представителя славянского населения. В 1990-х гг. не сообщалось о смертельных случаях или насильственных конфликтах на этнической почве, хотя коренные жители и славяноязычные общины испытывали немало обид друг к другу. В странах Балтии было много бандитских разборок, убийств с целью вымогательства и самоубийств; антисемиты оскверняли еврейские синагоги и (в апреле 1999 г.) мемориал Холокоста в Риге; некоторые прибалты – могилы красноармейцев; тем не менее этнического насилия при этом было мало. В успешном и мирном переходе к независимости состоял главный вклад стран Балтии в историю самой масштабной социально-политической катастрофы XX века.

Важное отличие от остальных постсоветских республик состояло и в том, что страны Балтии имели двадцатилетний опыт самостоятельной государственности в межвоенный период. Этот этап их истории стал в 1990–1991 гг. для многих правоконсервативных политиков «историческим идеалом», положенным в основу государственного строительства. Память о событиях 1939–1940 гг. также играла свою роль, и идея о нейтралитете была отброшена.

Первоначальное независимое развитие всех трех стран Балтии протекало сходным образом. Каждая из них стремилась как можно быстрее провести реформы и вступить в евроатлантические структуры, в первую очередь в ЕС и НАТО. ЕС поощрял этот «принцип регаты»: переговоры с евроструктурами велись с каждой страной в соответствии с результатами выполненного «домашнего задания». Именно так Эстония, наиболее экономически успешная, оказалась первой приглашенной к членству в ЕС, в 1997 г., а Латвия и Литва – в 1999 г. Литва быстрее реформировала оборонную сферу и раньше других начала переговоры с НАТО. Но как бы ни соревновались страны Балтии, в ЕС и НАТО они все вступили одновременно – в 2004 г.

Поспешность реформ (и не только она) имела негативные последствия. Так, приватизация привела к доминированию иностранного капитала. В Эстонии доля иностранцев в капитале

крупных предприятий и банков составляла 80–90%, в Литве – в среднем около трети, а в финансовом секторе – до 70% [Симонян, 2002]. В настоящее время положение немного изменилось в пользу отечественных инвесторов, но несущественно. Структурные реформы в странах Балтии также были не вполне удачны, примерно как и в России, а в чем-то даже хуже. Они привели к деиндустриализации, «пузырям» на кредитных рынках, росту внешней задолженности, трудовой миграции, «утечке мозгов», депопуляции и т.п. Прибалтийские страны сильно пострадали от мирового финансового кризиса, не в последнюю очередь, из-за раздутого финансового сектора⁷: в 2008 г. в Латвии и Эстонии его доля была не менее 24% ВВП, что вдвое выше, чем в США на пике «пузыря» [Ослунд, 2011. С. 111–112].

При решении вопроса о приеме в Европейский союз страны Балтии были отнесены к категории с переходной экономикой, требующей глубокой структурной перестройки, так как там имели место высокая безработица и ВВП, более низкий по сравнению с другими членами ЕС⁸. Вхождение в ЕС использовалось балтийской тройкой для достижения экономической стабильности и рыночных преобразований. Бюджет ЕС и его многочисленные фонды⁹ стали для них источником финансовой помощи при решении задач развития сельского хозяйства, создания новых рабочих мест, поддержки малого и среднего бизнеса, проектов в образовательной сфере, НИОКР и др. В отдельные годы внешняя подпитка их экономики составляла до 25% ВВП.

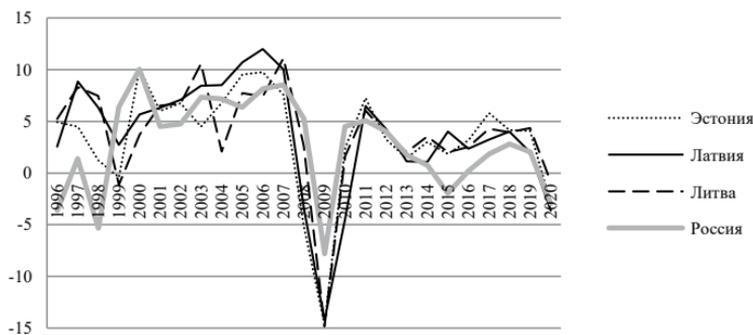
Первые годы членства прибалтийских стран в ЕС ознаменовались впечатляющим экономическим ростом (рис. 3), за что их прозвали «Балтийскими тиграми» по аналогии с успешными азиатскими собратьями, однако политическому руководству Латвии, Литвы и Эстонии не удалось обеспечить декларированное на заре

⁷ Финансовый сектор стран Балтии пользовался огромной популярностью у иностранных инвесторов. В Латвии, например, наибольшую долю ПИИ – 25%, поглотила сфера финансового посредничества, за ней шла недвижимость с 13%, затем – оптовая и розничная торговля с долей 10%. Реальный сектор Латвии иностранных инвесторов привлек заметно слабее: в обрабатывающие производства вложили 12% ПИИ, строительство – 4%, транспорт и коммуникации – 3%, столько же – информационные технологии [Tsaurkubule, Vishnevskaja, 2017].

⁸ Baltic Forum Resolution, 2006. URL: <http://www.balticforum.org/sobitija/2006-god/>

⁹ Европейский социальный фонд, Европейский фонд регионального развития, Европейский сельскохозяйственный фонд гарантий, Европейский фонд развития села, Фонд содействия рыболовству и Фонд сплочения.

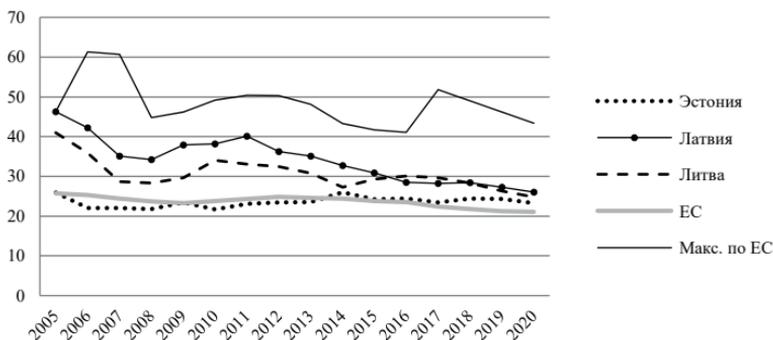
независимости радикальное и быстрое улучшение качества жизни населения и приведение его к североευропейскому стандарту. Россия показывала в начале 2000-х гг. похожий рост, несмотря на отсутствие спонсоров и, хуже того, колоссальные финансовые утечки. После мирового финансового кризиса темпы экономического развития в Прибалтике заметно замедлились, как, впрочем, и в России. Однако кризис ударил по российской экономике слабее, чем по прибалтийской. Эстония, Латвия и Литва пострадали в 2008–2009 гг. сильнее всех североευропейских стран.

Источник. Построено автором под данным МВФ. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/download-entire-database>.

Рис. 3. Темпы прироста реального ВВП в 1996–2020 гг. в странах Балтии и в РФ, %

Политика приведения макроэкономических показателей в соответствие с Маастрихтскими критериями путем жестких неолиберальных экономических реформ (сокращение государственных расходов, в том числе на социальную сферу, повышение налогов и т.п.), необходимая для вступления в европейскую валютную зону, привела к тому, что в Латвии и Литве численность населения, проживающего в условиях риска нищеты или социальной исключенности, превышало средний по ЕС уровень (рис. 4). Примечательно, что жизненные стандарты в странах Балтии при этом также повышались, об этом, в частности, говорит демографическая статистика: за период с 1990 по 2018 гг. ожидаемая продолжительность жизни эстонцев увеличилась на 8,2 года, латышей – на 5,4 года, литовцев – на 3,5 года. Только вот происходило это улучшение не так существенно, как в других европейских странах.

Источник рис. 4, 7, 9, табл. 3. Построено автором по данным Евростата. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/t2020_50/default/table?lang=en

Рис. 4. Доля населения, находящегося в условиях риска нищеты и социальной исключенности в странах Балтии и ЕС в 2005–2020 гг.,%

В Латвии и Литве люди подвергались самому сильному социальному риску в ЕС – из 28 стран его членов хуже, чем у них, дело обстояло только в Северной Македонии и Албании. Примечательно, что Эстония оказалась сравнительно более благополучной страной, вот почему обезблуживание там происходило намного медленнее, чем у ее соседей по региону, а с 2015 г. оно вообще прекратилось (рис. 5).

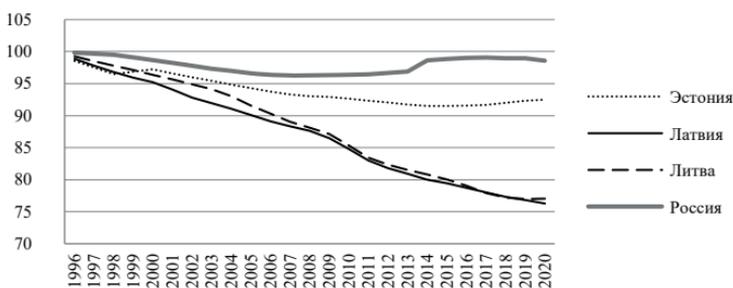

Рис. 5. Индекс численности населения в странах Балтии и ЕС в 1996–2020 гг. (1995 г.=100)

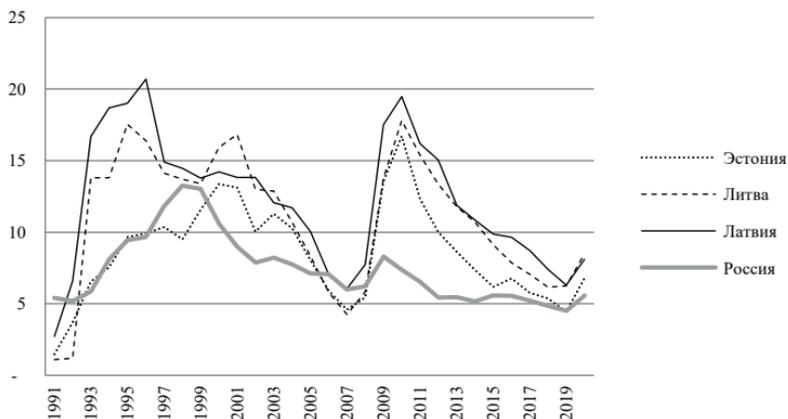
Общая численность населения, по данным ООН, сократилась во всех трех республиках с 1990–1991 гг. по 2019–2020 гг.: в Эстонии – с 1,56 до 1,32 млн чел.; в Латвии – с 2,64 до 1,88 млн чел.;

в Литве – с 3,69 до 2,76 млн чел. В литературе можно встретить утверждения, что вступление в ЕС послужило для жителей Балтии триггером для побега из социально-экономического неблагополучия. Но по приведенному графику видно, что более или менее быстрое бегство из Латвии и Литвы началось задолго до вступления в ЕС, и его скорость после 2004 г. не увеличилась¹⁰. Верно, однако, и то, что выезжают из Балтии наиболее образованные, квалифицированные и предприимчивые люди, чаще всего представители средних возрастных когорт (от 25 до 44 лет). Сокращение численности населения почти на 25% за 25 лет, примерно на один процент в год, чревато для Латвии и Литвы серьезным демографическим кризисом¹¹, особенно учитывая то, что социальная поддержка ЕС уже сейчас довольно заметно сворачивается.

Рынок труда стран Балтии отличался сильной неустойчивостью и чувствительностью к мировой конъюнктуре. Мировой кризис 2008–2009 гг. оказал столь же шокирующее воздействие на занятость работников, как и начальные рыночные реформы (рис. 6).

¹⁰ Начало процесса депопуляции следует датировать моментом запуска шоковой терапии. Намерение шокотерапевтов, почти одинаковое по всему бывшему советскому блоку, состояло в том, чтобы обнулить сбережения населения. Несмотря на последствия, эта жестокость не была самоцелью. Замысел состоял в том, чтобы запустить ускоренный процесс накопления капитала, который позволил бы резко сократить потребление товаров населением в пользу предоставления инвестиционных ресурсов для создания новых предприятий, конкурентоспособных на мировых рынках. До сих пор не ясно, полагали ли искренне главные архитекторы политики приватизации социалистического наследия, что ваучеры демократизируют экономику, или же они, как это произошло на самом деле, будут служить каналом, по которому ресурсы концентрировались в руках новой предпринимательской элиты. Предполагалось, что капитал для новых предприятий дополнительно поступит в виде ПИИ, что и произошло в очень крупных масштабах, однако их структура далеко не соответствовала потребностям усиления реального сектора прибалтийских экономик. Преимущество отдавалось финансовому посредничеству и торговле.

¹¹ Пик численности населения Латвии был достигнут в 1989 г. и составил почти 2,7 млн чел., не очень существенно превысив предыдущий рекорд в 2,5 млн чел. в начале Первой мировой войны в 1914 г. Но к 2021 г. население Латвии сократилось до 1,9 млн чел. По оценкам экспертов, официальная статистика эмиграции из этой страны на порядок меньше их фактической величины; если тенденция оттока населения из Латвии продолжится, то в ближайшие 50 лет население сократится еще на 25%, что драматически скажется на возрастной структуре населения и емкости рынка [Tsaurkubule, Vishnevskaja, 2017].

Источник. Построено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS>

Рис. 6. Динамика нормы безработицы в странах Балтии и РФ в 1991–2019 гг., %

Из трех стран Балтии сильнее всех пострадала Латвия, но и Литва ощутила на себе сильные удары не только структурной депрессии 1990-х гг. и финансового кризиса 2008–2009 гг., но и промежуточного конъюнктурного спада 2001 г. Эстонская экономика была чуть более устойчивой, но и там занятость совершала мощные колебания, и безработица достигла пика 17% в 2010 г. Такой волатильности рынка труда не наблюдалось нигде в Северной Европе. В России, при всех ее проблемах, столь серьёзных обострений, как в трех рассматриваемых странах, также не произошло.

Эстония, Латвия и Литва пострадали от кризиса сильнее, чем другие страны Европы, прежде всего из-за открытости их экономик, но кроме этого, там была чрезвычайно сильна зависимость их внутренних рынков от банковского кредитования [Jočienė, 2015]. После вступления в ЕС страны Балтии почти сразу стали доступны для скандинавских банков (прежде всего, шведского происхождения), открывших там свои дочерние подразделения¹²,

¹² Накануне кризиса 2008–2009 гг. трем крупнейшим банкам (SEB, Swedbank и DNB) принадлежит 68,6% активов банковского сектора Литвы, 71,4% Эстонии и 35,9% Латвии [Jočienė, 2015].

которые не брали на себя заботу об экономических интересах принимающих стран и таким образом стали создателями и усилителями кризисных явлений. Шведские банки накануне кризиса активно кредитовали прибалтийские рынки недвижимости, в них не применялись в должной степени традиционные меры осмотрительности, даже такие очевидные, как контроль за соотношением дохода заемщика и цены приобретаемых квартир и домов. Их руководители стимулировали свой персонал, основываясь на количестве выданных кредитов, поэтому кредитные инспекторы при предоставлении ссуд не принимали в расчет кредитный риск, опасность непогашения долга [Sommers, Briskens, 2021].

Значительная часть кредитов предоставлялась в иностранной валюте, что усугубило падение внутреннего спроса из-за обесценения местных денег и ускорило национальные денежные реформы. Не дожидаясь полного восстановления после кризиса, страны Балтии одна за другой устремились в еврозону. На евро сначала перешла более сильная Эстония (2011 г.), потом Латвия (2014 г.) и Литва (2015 г.).

Мучительный переход стран Балтии на евро

С момента вступления в ЕС для Эстонии переход на евро был в числе основных приоритетов. Видя, что инфляция была главным препятствием для этого, правительство использовало финансовый кризис 2008 г. для проведения необходимых реформ, чтобы обеспечить соответствие критериям вхождения в еврозону. Благодаря кризису инфляция снизилась и даже вышла в отрицательную зону. Следующей целью стало сдерживание бюджетного дефицита; ценой еще большего обострения экономических невзгод правительство Эстонии приступило к жесткой экономии – сокращению госрасходов, повышению налогов и другим мер, которые удержали бы дефицит госбюджета в пределах 3% от ВВП, неудивительно, что последний в результате всех этих действий сократился на 5,4% в 2008 г. и на 14,7% – в 2009 г. Цель была достигнута: дефицит бюджета Эстонии опустился ниже 3%, а в 2010 г. даже получился небольшой профицит. В 2009 г. заявка на вступление в еврозону была одобрена.

Две другие прибалтийские республики учились у Эстонии. Первая попытка Литвы вступить в еврозону была предпринята в 2006 г. Она закончилась неудачей из-за инфляции, хотя

и не слишком высокой. Для чиновников ЕС было важно, чтобы Литва по этому показателю имела хороший запас прочности, чтобы другие страны-претенденты не получили прецедента для легкого доступа к новой валюте¹³, и ее на время «придержали». Момент был упущен, и присоединение Литвы к евро стало еще более труднодостижимо (в 2007 г. инфляция ускорила).

Экономический рост в Литве в начале 2008 г. замедлился. И так же, как в Эстонии, правительство, всеми силами стремясь к евро, вместо того, чтобы смягчать экономическую обстановку, проводило меры финансового ужесточения – повысило ставку НДС, провело снижение заработной платы, пенсий по старости и пособий по безработице. Когда безработица взлетела до 16% (2010 г.), Литва обратилась к европейским структурным фондам. МВФ и авторитетные экономисты рекомендовали принять девальвацию валюты. Однако литовское правительство при поддержке Банка Литвы не прислушалось к совету и продолжило следовать плану перехода на евро. В конце концов, Литва вошла в еврозону лишь в 2015 г., последней из трех стран Балтии.

Еще в 1995 г. Латвия имела самый низкий в Европе после Эстонии и Люксембурга уровень задолженности: государственный долг составлял всего 9% ВВП. Эту планку удавалось удерживать довольно долго, однако из-за кризиса только за 2008–2010 гг. долговое бремя выросло с 19,8% до 47,4%. Чтобы остановить эту тенденцию, повысить финансовую стабильность и восстановить доверие рынка, латвийское правительство в 2008 г. ввело режим бережливости и ограничительную налогово-бюджетную политику, что негативно сказалось на состоянии экономики. В целях достижения монетарных стандартов, необходимых для перехода на евро, объем государственных закупок был сокращен на 25%, ставка НДС увеличена с 18% до 21%. Кроме того, выросли акцизы на топливо, кофе, алкоголь и другие напитки. Поскольку большая часть повышения налогов пришлась на бедных, в сочетании с высоким уровнем коррупции это привело к социальному

¹³ Больше всего еврочиновники не хотели, чтобы прецедентом вступления Литвы в еврозону воспользовалась Польша. На самом же деле Польша до сих пор пользуется своей национальной валютой и, похоже, не помышляет переходить на евро. Возможно, опыт стран Балтии научил Польшу, что блага пользования единой европейской валютой не стоят тех потерь, которые приходится нести при вступлении в валютный союз.

недовольству и беспорядкам, что вынудило премьер-министра Иварса Годманиса уйти в отставку.

Принятые Латвией меры стали причиной падения ВВП на 14,4% в 2009 г. и на 6,54% в 2010 г. К осени 2009 г., когда Европейская комиссия и МВФ посетили Латвию, чтобы разобраться с последствиями финансового кризиса, у монетарных властей Латвии было два варианта действий: отказаться от фиксированного обменного курса и свободно использовать валюту для международных расчетов, облегчив этим экономические невзгоды, либо сохранить фиксированный курс и в будущем перейти на евро. Правительство страны при поддержке Банка Латвии решило проигнорировать предложения МВФ и ведущих экономистов о плавании валюты и вместо этого придерживалось фиксированного курса. Фактически это означало принятие варианта внутренней девальвации – снижения цен и заработной платы внутри страны.

Соревновательность между собой стран Балтии продолжилась и при подготовке к вступлению в еврозону. Считалось, что если бы одно из государств Балтии приняло евро, это сделало бы его более привлекательным для инвестиций, чем два других государства [Dandashly, Verdun, 2020]. Правительства Эстонии, Латвии и Литвы, соревнуясь друг с другом, фактически применяли меры фискальной и монетарной политики не для блага финансовой стабилизации, а против него. Вот почему произошло столь серьезное потрясение их экономик в годы мирового финансового кризиса. Такой ценой страны Балтии оплатили свое членство в еврозоне.

Специализация и интеграция экономик стран Балтии

Стремясь интегрироваться в экономику ЕС, страны Балтии ищут области специализации, в которых они приобретут совершенство и смогут включиться в хозяйственную жизнь как всей Европы, так и более локализованной группы стран в зоне Балтийского моря. Наибольшее количество инициатив выдвигается в сферах кибернетической и энергетической безопасности, реализации программы «Восточное партнерство», политики расширения ЕС (страны Балтии традиционно позиционируют себя «экспертами» в отношении постсоветского пространства)

и реализации концепции Единого рынка (в особенности, свободного движения рабочей силы и услуг). Кроме того, в последнее время в прибалтийских республиках предпринимается попытка высокотехнологичного развития. Об успешности продвижения по этому сценарию говорит статистика инновационной структуры экспорта стран ЕС (рис. 7).

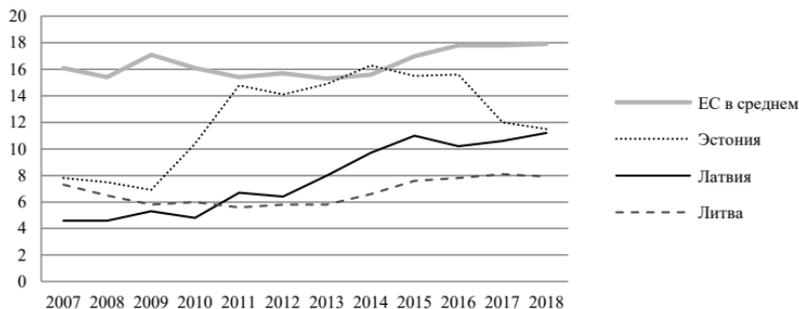

Рис. 7. Доля высокотехнологичной продукции в экспорте стран Балтии и ЕС в 2007–2018 гг., %

Быстрое догоняющее развитие Эстонии в 2010–2014 гг., когда она сравнялась со средним уровнем стран ЕС и даже ненадолго превзошла его, сменилось замедлением. Латвия и Литва показали устойчивый, хотя и медленный рост. Однако в целом о лидерстве или хотя бы рыночной силе стран Балтии говорить пока не приходится. Они отстают от других членов ЕС по уровню продвижения товаров высоких технологий на мировых рынках.

Между конкурентоспособностью той или иной страны на рынках высокотехнологичных товаров и ее возможностью поддерживать высокие доходы и заработки существует сильная взаимосвязь. Еще недавно экономисты называли Эстонию, Латвию и Литву «Балтийскими тиграми» из-за их очень динамичного экономического роста, наблюдавшегося в 2000-х годах [Åslund, 2015]. Была ли причиной этого успеха конкурентоспособность в сфере высоких технологий? К сожалению, нет. Об этом свидетельствует отсутствие сравнительных преимуществ в мировой торговле наукоемкими товарами в случае Литвы и их относительно небольшое количество в Эстонии и Латвии. Из всех трех стран Эстония является наиболее успешной в этом отношении, хотя и в Латвии за последние годы наметился прогресс [Falkowski, 2018].

Латвия экспортирует некоторое количество наукоемкой продукции, но она конкурентоспособна только на рынках СНГ, тогда как в ЕС преимущества Латвии проявляются только в экспорте ресурсо- и трудоемких товаров с низкой степенью переработки и не требующих квалифицированного труда. Падение производительности в экспортных отраслях, наблюдаемое в последние годы, означает, что международная конкурентоспособность латвийской экономики также постепенно снижается. Властям Латвии для повышения уровня применяемых технологий следует стимулировать структурные изменения, которые будут способствовать созданию и развитию новых отраслей и высокотехнологичных компаний. Этого можно достичь несколькими способами: от реформ в сфере образования, создания институтов коммерциализации идей, сближения научных кругов с бизнесом до изменения налоговой системы и сокращения масштабов теневой экономики¹⁴.

Что касается международной конкурентоспособности литовской экономики, статистика показывает [Startiene, Remeikiene, 2014], что сильные конкурентные позиции эта страна держит на рынках только традиционной продукции – продовольствия, химикатов, древесины и текстиля, то есть товаров, не требующих применения высоких технологий. Расходы на НИОКР во всех обрабатывающих производствах Литвы весьма скромны, и, по сути, даже то, что там считается сектором высоких технологий, не соответствует критериям ОЭСР. В сфере хай-тека Литва занимает позицию аутсайдера среди стран Балтии.

Эстония, как высокотехнологичный лидер Балтии, продемонстрировала относительно лучшие результаты: в течение всего периода 2010-х гг. ее показатели выявленного сравнительного преимущества, хотя и отрицательные (что говорит о неспособности побеждать средних по уровню развития конкурентов), были значительно лучше, чем у Латвии и Литвы. Сравнительные

¹⁴ О распространенности теневого сектора в странах Балтии свидетельствует статистика Стокгольмской школы экономики. Степень развитости системы ухода от налогообложения и неформальной экономической активности на удивление высока. В этом Латвия является лидером Балтии. Выручка её теневой экономики на своем пиковом уровне (2010 г.) составляла 38,1% от официального ВВП. В 2020 г. эти цифры были уже не столь вопиющими, но все еще значительными: Латвия – 25,5%, Литва – 20,4%, Эстония – 16,5 (URL: <https://www.sseriga.edu/shadow-economy-index-baltic-countries>).

преимущества Эстонии были зафиксированы в товарной группе радио-, телевизионного и коммуникационного оборудования. У Латвии – в фармацевтике. Литва, не обладая сравнительными преимуществами ни по каким крупным высокотехнологичным товарным группам, в отдельные годы имела, хотя и небольшое, но лидерство по отдельным товарам, в частности, по специальным инструментам, приборам для медицины, науки.

Несмотря на догоняющий рост, экономические показатели стран Балтии в 2010-х гг. существенно не улучшились. Их отставание от среднего уровня по ЕС можно объяснить сравнительно низкой производительностью труда, что является следствием их слабой способности интегрироваться в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. В то время, как Скандинавские страны и Германия специализируются на производствах, требующих высоких технологий и значительного человеческого капитала, в Прибалтике по-прежнему непропорционально широко представлены сырьевые и трудоемкие производства. После кризиса 2008–2009 гг. во всех трех республиках произошло существенное замедление экономического роста, и полноценная интеграция их хозяйств ЕС стала представляться нереалистичной задачей [Schrader, 2018].

В середине 2010-х гг. руководство стран Балтии совместно с экономическими властями ЕС обозначили свои стратегические приоритеты, в основном продиктованные стремлением выхода из орбиты экономических связей с Россией¹⁵. В 2014 г. в ответ на российско-украинский кризис принимается «Европейская стратегия энергетической безопасности»; из 33 крупных энергопроектов ЕС 11 реализуются в странах Балтии. В число последних входят терминал СПГ в Клайпедском порту, газопровод Клайпеда – Кеменай, газовые соединения Литвы и Польши (GIPL), Эстонии и Финляндии (Balticconnector) и т.д. Позднее

¹⁵ Пресс-служба ЕС сообщила, что страны Сообщества импортируют более половины потребляемой энергии, и это может стать причиной зависимости от таких внешних поставщиков, как Россия. Европейская комиссия разработала план Энергетического союза по снижению этой зависимости и созданию единого европейского энергетического рынка. Особо отмечается тот факт, что «на долю России приходится треть импорта нефти, 39% газа и 29% твердого топлива. Шесть стран ЕС зависят от России как поставщика всего импортируемого газа». (URL: https://www.europarl.europa.eu/pdfs/news/public/story/20140718STO53032/20140718STO53032_en.pdf).

страны Балтии включились в «зеленую» стратегию Европы по развитию энергетики из возобновляемых источников¹⁶. Литва планирует увеличить долю чистой энергии в общем энергобалансе с 23% в 2020 г. до 45% в 2030 г., Латвия – с 40% до 50%, а Эстония – с 25% до 42%. Это крайне амбициозные планы в области развития ВИЭ. Так, Литва, намеревающаяся за десятилетие почти удвоить их долю, уступает только Дании, которая планирует совершить взлет с 30% до 55%¹⁷. В целом, ожидается, что к 2030 г. в странах Балтии будет установлено не менее 1,2 ГВт береговых ветроэнергетических мощностей.

Другим важным проектом в энергетическом секторе является синхронизация электросетей Балтии и континентальной Европы и отключение от российско-белорусской энергосистемы к 2025 г. Эти цели будут реализованы в совместном проекте литовских, латвийских и эстонских операторов систем передачи (TSO) с объемом инвестиций 1,4 млрд евро для строительства новых и расширения существующих линий с Польшей.

Регион уже тесно связан с соседями, имея доступ к электроснабжению от Польши (0,5 ГВт), Швеции (0,7 ГВт) и Финляндии (1,0 ГВт). Все три балтийские экономики с 2013 г. имеют доступ к энергорынку Nord Pool.

Несмотря на многочисленные декларации о необходимости отделения от России в целях достижения экономической безопасности, страны Балтии в течение всего периода независимости продолжали оставаться тесно связанными с ней. О степени взаимосвязанности экономик Балтии и России средствами международной торговли в 2010-х гг. говорит таблица 1.

¹⁶ Одним из принятых в 2019 г. нормативных документов ЕС является «Положение о готовности к рискам в секторе электроэнергетики», входящее в пакет «Чистая энергия для всех европейцев», он требует, чтобы государства-члены работали над выявлением всех возможных кризисных сценариев, которые могут повлиять на их электроснабжение, на национальном и региональном уровнях. Органам власти поручено разработать планы подготовки к рискам в разных ситуациях. Это требование стимулирует сотрудничество и координацию в интересах партнерства между государствами – членами ЕС. (URL: https://ec.europa.eu/info/news/focus-energy-security-eu-2020-avr-27_en).

¹⁷ Kevelaitis R. The Baltic tigers in renewable energy // New green deal flow. 2021. 30 June. (URL: <https://greendealfow.com/the-baltic-tigers-in-renewable-energy>).

Таблица 1. Структура взаимной международной торговли стран Балтии и России в 2011–2020 гг., %

Показатель	Эстония		Латвия		Литва	
	2011–2015	2016–2020	2011–2015	2016–2020	2011–2015	2016–2020
<i>Экспорт</i>						
В Балтию	14	14	31	29	16	15
В Россию	15	9	10	9	18	14
Всего	29	23	41	38	34	29
<i>Импорт</i>						
Из Балтии	11	11	27	26	10	11
Из России	11	9	9	7	26	13
Всего	22	20	36	33	36	24

Источник. Рассчитано автором по данным UN Comtrade Database URL: <https://comtrade.un.org/data/>

Из всех стран Балтии наиболее тесные связи с Россией были у Литвы: от 14 до 18% экспорта и от 26 до 13% импорта давала там торговля с российскими партнерами. На втором месте идет Эстония и на третьем – Латвия. Следует заметить, что все три балтийские республики развернулись от России в сторону других регионов. Интенсивность этого маневра была наиболее сильной у Литвы, за ней следовали Эстония и Латвия. А между собой страны Балтии торговали стабильно, структура экспортных и импортных квот внутрибалтийской торговли от первой половины 2010-х гг. ко второй почти не изменилась.

Значимость российского рынка для прибалтийских экономик всегда по объективным причинам была гораздо выше значимости Балтии для России. Однако сокращение торгового оборота под воздействием санкций в последние восемь лет на 30–40%, а также неоднократно звучащие в последнее время заявления о форсировании процесса переориентации российских грузопотоков с прибалтийских портов на собственные портовые мощности (в первую очередь на Усть-Лугу и Приморск) должны рассматриваться как сигналы о возможности утраты значительной части транзитных доходов, составляющих не менее 10% ВВП государств Балтии. Насколько катастрофичным будет падение доходов после санкций, связанных с СВО России на Украине, предсказать слишком трудно.

На самом ли деле страны Балтии независимы?

Все прибалтийские страны, вступив в интеграционный союз, попали в зависимость от более сильных европейских держав. Одной из цен, которую им пришлось уплатить за вступление в ЕС, стало закрытие многих важных производств. По требованию Брюсселя остановили Игналинскую АЭС в Литве, были закрыты заводы по производству сахара в Латвии, во всех странах вымирают наукоёмкие производства, уничтожена значительная часть рыболовства, сокращается сельское хозяйство. Особенно серьезные последствия вызвала необходимость закупать электроэнергию у других стран. Хотя Эстония длительное время удерживала свои позиции, теперь, когда Брюссель объявил переход к «зеленой энергетике», Таллин должен уступить и закрыть свою сланцевую энергетику.

Возникшие в результате вынужденных преобразований экономические проблемы в странах Балтии решаются за счет дотаций по различным программам в рамках региональной «политики сплочения». Софинансирование проектов стран Балтии со стороны ЕС достигает 70%, а иногда и 90% от их стоимости. Сразу после вступления в ЕС Эстонии, Латвии и Литве стали предоставлять субсидии, прежде всего, по программам региональной поддержки из структурных фондов (табл. 2).

Таблица 2. Субсидии в рамках региональной поддержки ЕС для стран Балтии в 2000–2027 гг., млрд евро

Страна	2000–2006	2007–2013	2014–2020	2021–2027 (план)
Латвия	1,0	6,8	7,0	10,5
Литва	5,0	7,0	7,0	6,2
Эстония	0,7	3,4	5,8	6,8

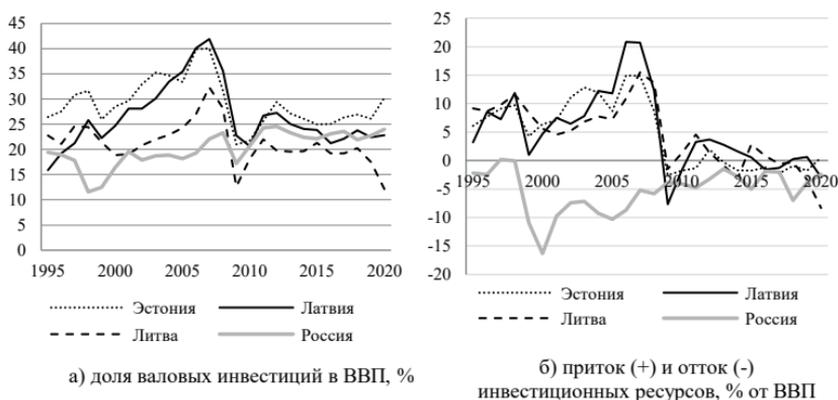
Источник. Ерёмкина Н. Экономика Прибалтики всецело зависит от вливаний ЕС// Eurasia Daily. 2021. 24 февраля. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/24/professor-eryomina-ekonomika-pribaltiki-vsecelo-zavisit-ot-vlivaniiy-es>

После завершения очередной семилетки в ЕС с 2021 г. действует бюджет в размере 1,07 трлн евро, покрывающий многолетние финансовые планы на следующие семь лет. Для содействия в восстановлении государств – членов ЕС от экономических последствий COVID-19, кроме того, создан фонд возмещения в размере 750 млрд евро. Самые отдаленные регионы будут по-прежнему пользоваться особой поддержкой ЕС. В дополнение к приведенным в таблице суммам страны Балтии будут

профинансированы займами на восстановление экономики, разрушенной в ходе пандемии. Таким образом, из-за коронакризиса они получают еще большие средства, нежели раньше. Но постоянно это продолжаться не будет.

У благ от членства в ЕС есть и оборотная сторона: из-за систематического получения финансовой помощи страны Балтии теряют способность к самостоятельному развитию. Они привыкли к постоянным дотациям и не готовы к их уменьшению. Это дорого обходится налогоплательщикам других европейских стран. Но пока что прибалтийские политики радуются тому, что на каждый вложенный в коммунитарный бюджет евро они получают почти четыре и даже более.

Хотя приток финансирования из фондов ЕС еще не прекратился, на макроуровне их инвестиционный эффект во второй половине 2010-х гг. стал заметно меньше, чем в первой. Это можно проследить по сокращению притоков внешних инвестиционных ресурсов после 2009 г. (рис. 8б).

Источник. Построено автором по данным МВФ.

Рис. 8. Норма накопления (а) и доля инвестиций, финансируемых за счет внешних источников в 1995–2020 гг., – разница между нормой накопления и нормой сбережения¹⁸ (б) в странах Балтии и РФ, %

¹⁸ Строго говоря, разница между отражаемыми в статистике инвестициями и сбережениями в некоторой степени преувеличивает чистый приток инвестиций из-за рубежа. Более корректно было бы из данной разницы вычесть норму сбережений фирм (нераспределенную прибыль предприятий) и сальдо бюджетов всех уровней, однако и такое грубое приближение нам кажется достаточно представительным.

Внешнее финансирование было определяющей причиной высокой инвестиционной активности и соответствующих темпов экономического роста в странах Балтии. Приток инвестиционных ресурсов из-за рубежа (его динамику можно видеть на рис. 8б) превышал 20% ВВП (у Латвии). У России происходил обратный процесс: инвестиционные ресурсы утекали за рубеж почти на всем обозримом периоде, и только в отдельные годы отток заметно снижался.

В какой мере государства Балтии являются гарантами народного благосостояния?

Правительства стран Балтии не в полной мере сдержали свои обещания, и благосостояние их жителей остается на заметно более низком уровне, чем в других странах ЕС. Тем не менее абсолютный уровень денежных медианных душевых доходов значительно возрос (рис. 9), а относительное отставание от средневропейского уровня сильно сократилось (табл. 3).

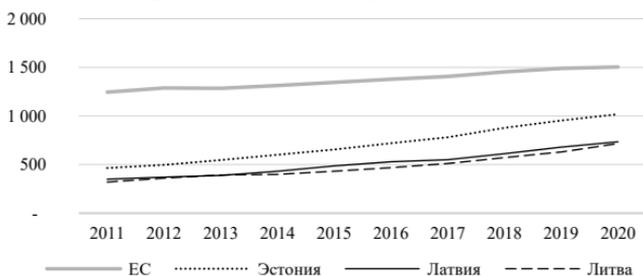

Рис. 9. Медианный месячный чистый денежный доход стран Балтии и ЕС в 2011–2020 гг., евро

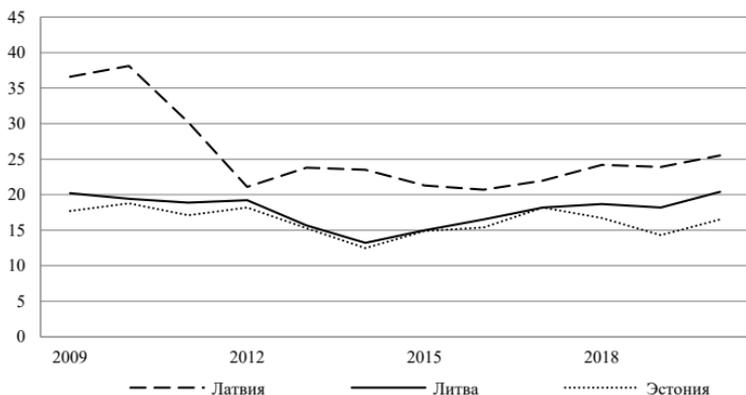
За период с 2011 по 2020 гг. в Эстонии доходы у медианной категории получателей увеличились с 467 евро в месяц до 1019, в Латвии – с 350 до 736, в Литве – с 321 до 717 евро. В ЕС медианные доходы в эти годы тоже росли, но не так интенсивно. В 2011 г. жители Эстонии имели уровни доходов 37% от среднего по Европе, а в Латвии и Литве они получали чуть более ¼. В конце 2020-х гг. это отставание во всех странах Балтии сократилось почти вдвое. Тем не менее, несмотря на отмеченный прогресс, Прибалтийские государства входят в число стран с самым низким уровнем благосостояния в Европе.

Таблица 3. Индекс медианных чистых денежных доходов в странах Балтии в 2011–2020 гг. (ЕС-28 = 100)

Страна	2011	2015	2020
Эстония	37	49	68
Латвия	28	36	49
Литва	26	32	48

Источник: рассчитано автором по данным Eurostat.

Благосостояние людей в прибалтийских странах не вполне отражается официальной статистикой, поскольку там довольно значительны коррупция и теневая (неофициальная) занятость, как бы с ней ни боролись (рис. 10).

Источник. URL: <https://www.sseriga.edu/shadow-economy-index-baltic-countries>

Рис. 10. Индекс доходов в теневой экономике стран Балтии в 2009–2018 гг., % от ВВП

Как можно видеть, даже в наиболее законопослушной Эстонии доходы на уровне около 15% ВВП скрыты от официальной статистики.

Можно ли считать, что в странах Балтии благосостояние сильно превосходит то, что имеется в России? Если брать в расчет только номинальные доходы, отрыв прибалтийцев от россиян составляет 4–5 раз. Однако точные сравнения затруднительны, поскольку даже пересчет доходов в единую валюту (например, рубли) по паритету покупательной способности не гарантирует надежный результат как из-за недостатков методологии расчета этого паритета, так и из-за несопоставимости структуры цен.

Например, аренда качественного жилья в столицах республик стоит существенно больше половины медианного дохода. Стоимость услуг в странах Балтии также весьма обременительна, поэтому в литературе, как научной, так и публицистической, можно встретить широко варьирующие сравнительные оценки благополучия жителей Эстонии, Латвии и Литвы.

Особенно сложно учитывать, как работают системы социального обеспечения, без понимания которых невозможно оценить в полной мере благосостояние людей. В странах Балтии они устроены неодинаково¹⁹, и на всех них сказался мировой финансовый кризис [Aidukaite, 2019], в частности, он повсюду привел к урезанию щедрости государства всеобщего благосостояния. В Латвии и Литве больше всего пострадали пенсии, пособия по инвалидности, по безработице, а также семейные выплаты. В Эстонии же система социального обеспечения изменилась только в том, что касается накопительной части пенсий, а текущие выплаты для пенсионеров сокращены не были.

По прошествии кризиса 2014 г. ситуация в странах Балтии не только вернулась на прежние позиции, но даже улучшилась по многим показателям. Теневая экономика в Латвии и Литве сократилась по мере принятия более жестких мер по улучшению сбора налогов. Минимальная заработная плата и средний заработок увеличились, особенно в Эстонии.

Если сравнивать прибалтийские страны, то Эстония после кризиса сделала значительный шаг вперед. Уровень серьезных материальных лишений в этой стране значительно ниже, чем у соседей. По минимальной заработной плате и среднемесячному заработку она вошла в число ведущих стран Центральной и Восточной Европы ЕС.

¹⁹ Например, по уровню и источнику финансирования социального обеспечения Эстония имеет больше общего со Словакией и Чешской Республикой, чем с Латвией и Литвой. Слабая защита детей и безработных в Литве делает ее более похожей на либеральный режим государства всеобщего благосостояния, в то время как Эстония с ее щедрой политикой в отношении детей и семей приближается к социал-демократической модели. Латвия напоминает консервативно-корпоративистский режим со скромными пособиями на детей и сильной зависимостью от программ социального страхования. Социальное обеспечение стран Балтии в целом оценивается неодинаково. Отдельные авторы даже хвалили Эстонию, Латвию и Литву как «очень успешные» и называли их «образцами для подражания», у которых могут поучиться другие страны. Такие высказывания, однако, немногочисленны. Противоположные оценки преобладают [Wrobel, 2015].

Оценка социального обеспечения стран Балтии на фоне ЕС не очень благоприятна. В 2014 г. они потратили на социальные расходы около 14–15% ВВП. Это намного ниже, чем в среднем по ЕС (около 28%), и даже ниже, если сравнивать с другими странами Центральной и Восточной Европы. Только Румыния по размеру социальных расходов близко следует за Прибалтикой.

Заключение

Обретение экономической независимости, к которой стремились народы Балтии, выходя из СССР, фактически не состоялось. Малые открытые экономики, особенно если они не обладают значительными природными ресурсами (как в данном случае), крайне редко способны проводить самостоятельную и успешную политику в области экономического развития. У стран Балтии нет ни выгодного географического положения, подобного Сингапуру и Гонконгу, ни годами накапливавшегося богатого человеческого капитала.

Годы членства в ЕС и присоединение к европейской валютной системе, если опираться на статистику ВВП, можно оценить в целом положительно. Страны Балтии продемонстрировали значительные экономические успехи, особенно в первые годы после вхождения в ЕС, а про Эстонию можно сказать, что она, найдя свои ниши, смогла утвердиться на сложных современных рынках и благополучно избежала вхождения в демографический кризис, от чего, к сожалению, не удалось уйти Латвии и Литве. Последней особенно тяжело из-за слабости ее экономической структуры и неспособности полноценно интегрироваться в международные цепочки создания стоимости.

В то же время важно отметить, что достигнутый успех в основном был дутым: быстрый рост ВВП в значительной степени складывался в результате притока зарубежных инвестиций и финансовой помощи от различных фондов ЕС. Часть этого финансирования была растрочена на потребление, а прямые иностранные инвестиции в основном устремлялись в финансовую сферу и торговлю, реальный сектор заметного развития не получил; Эстония, Латвия и Литва не смогли укрепиться на высокотехнологичных рынках.

Дела в странах Балтии могли бы идти лучше, если бы не мировой финансовый кризис, на который наложилась поли-

тика ускорения евроинтеграции. Жесткая бюджетная экономия и жесткий монетарный контроль усугубили финансовый шок, что сказалось и на народном благосостоянии, и на экономическом росте. В определенном смысле можно утверждать, что последствия кризиса не преодолены до сих пор.

В будущем экономики стран Балтии, скорее всего, стали бы испытывать нарастающие трудности, даже если бы не произошли потрясения мирохозяйственной системы после февральских событий на Украине, последовавших за этим антироссийских санкций и ответных действий России.

Литература/References

Воротников В. В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Вып. 5. Т. 9. 2016. С. 7–23. DOI: 10.23932/2542–0240–2016–9–5–7–23.

Vorotnikov, V.V. (2016). 25 years of independence of the Baltic States: from the Soviet to the European Union. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. Issue 5, Vol. 9. Pp. 7–23. DOI: 10.23932/2542–0240–2016–9–5–7–23. (In Russ.).

Симонян Р. Х. Страны Балтии: общее и особенное (социально-экономический аспект) // Вопросы экономики. 2002. № 9.

Simonyan, R.H. (2002). Baltic countries: general and special (socio-economic aspect). *Problems of Economics*. No. 9. (In Russ.).

Ослунд А. И последние станут первыми. Финансовый кризис в Восточной Европе. М.: Мысль, 2011.

Åslund, A. (2011). *The last shall be the first. The east European financial crisis, 2008–2010*. Peterson Institute for international economics. Washington DC.

Aidukaite, J. (2019). The welfare systems of the Baltic states following the recent financial crisis of 2008–2010: expansion or retrenchment? *Journal of Baltic Studies*. Vol. 50. No. 1, Pp. 39–58. DOI: 10.1080/01629778.2019.1570957.

Åslund, A. (2015). Why Have the Baltic Tigers Been So Successful? // *CESifo Forum*, Institut für Wirtschaftsforschung (Ifo), Vol. 16. No. 4.

Dandashly, A., Verdun, A. (2020). Euro adoption policies in the second decade – the remarkable cases of the Baltic States. *Journal of European Integration*. 42:3. Pp. 381–397. DOI: 10.1080/07036337.2020.1730355].

Jočienė, A. (2015). Scandinavian bank subsidiaries in the Baltics: Have they all behaved in a similar way? *Intellectual Economics*. No. 9 (1). Pp. 43–54. DOI: 10.1016/j.intele.2015.09.002.

Falkowski, K. (2018). Competitiveness of the Baltic States in international high-technology goods trade. *Comparative Economic Research*. De Gruyter. Warsaw. Vol. 21, Iss. 1. Pp. 25–43. Available at: <http://dx.doi.org/10.2478/cer-2018–0002>.

Sommers, J., Briskens, K. (2021). Latvia a decade out from the world's largest GDP crash: how it collapsed and how to improve its economic performance. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. Vol. 29. No. 1. Pp. 41–67. DOI: 10.1080/25739638.2021.1968593.

Schrader, K. (2018). Economic divergence in the Baltic region. *Estonian Discussions on Economic Policy*. Vol. 26. No. 1–2. Eesti Vabariik – 100 (24 veebruar 1918). DOI: <https://doi.org/10.15157/trep.v26i1–2.14518>.

Startiene, G., Remeikiene, R. (2014). Evaluation of Revealed Comparative Advantage of Lithuanian Industry in Global Markets. *Procedia– Social and Behavioral Sciences*. No. 110.

Tsaurkubule, Zh., Vishnevskaja, A. (2017). The comparative analysis of the main indicators of the Baltic states economic development in the condition s of the European integration. *Research papers of Wroclaw university of economics*. No. 466.

Wrobel, R. M. (2015). From independence to the Euro introduction: varieties of capitalism in the Baltic States. *Central and Eastern European Journal of Management and Economics*. Vol. 3. No.6. Pp. 9–38.

Статья поступила 21.03.2022

Статья принята к публикации 25.03.2022

Для цитирования: *Тесля П. Н.* Экономика стран Балтии после обретения независимости // ЭКО. 2022. № 5. С. 60–87. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-60-87

For citation: Tesla, P.N. (2022). The Baltic Economies after Independence. *ECO*. No. 5. Pp. 60–87. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-60-87

Summary

Tesla, P.N., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk

The Baltic Economies after Independence

Abstract. The rapid accession of the Baltic states to the EU and the transition to euro had an ambiguous impact on their economies. The financial crisis was much more painful for Estonia, Latvia and Lithuania than for other EU members, which, however, did not prevent them from being called “Baltic tigers. High growth rates of GDP and per capita income had, however, no sufficiently firm basis: investment activity was financed not by internal sources but by foreign capital inflows. The latter was largely directed to the financial and commercial sectors. Real investment was insufficient, and the Baltics still do not have a reliable potential for a full-scale presence in high-tech markets. The degree of success in economic modernization was the best in Estonia, followed by Latvia, and Lithuania was the last. The social policies of the Baltic states also do not show that Baltic governments seriously care about their citizens and non-citizens. Unemployment, poverty, poor social security, and other woes remain a serious problem – almost the worst in the European Union. Not surprisingly, people are rapidly and inevitably emigrating from Latvia and Lithuania. Fortunately, this is not the case in Estonia, which is reliable evidence of the relatively good success of this country.

Keywords: “Baltic tigers”; Baltic states; economic integration; economic specialization; social policy; European Union; Eurozone; former Soviet republics